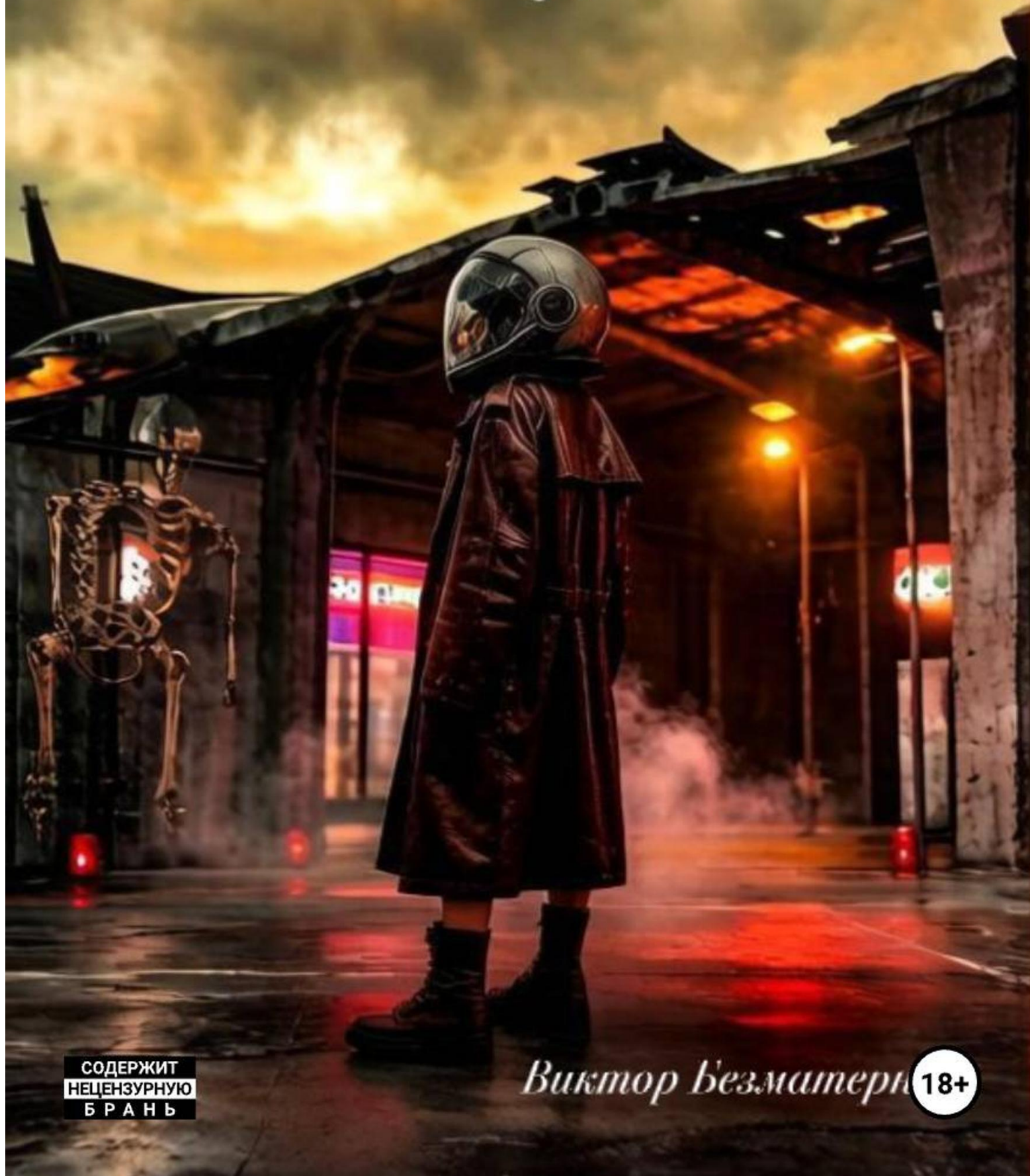

Эпоха полураспада

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Виктор Безматери

18+

Виктор Безматерный

Эпоха полураспада

«Автор»

2026

Безматерний В.

Эпоха полураспада / В. Безматерний — «Автор», 2026

В маленьком городе происходят убийства. На их раскрытие начинается Анна Шмель. Расследование ведет старшего инспектора Анну Шмель по спирали безумия: от заброшенной геронтологической клиники доктора Воронцова, тестировавшего запрещенный препарат бессмертия, до секретных ангаров проекта «Купол». Но чем глубже она погружается в дело, тем сильнее стирается грань между охотником и хищником. Анна страдает провалами в памяти, а ее реальность распадается на пиксели психоза. Голос диспетчера в голове приказывает ей подниматься выше, в то время как тело оставляет за собой след из мазута и озона. Пытаясь найти маньяка, который видит в старости лишь системную ошибку мироздания, Анна внезапно осознает пугающую истину: второй пилот этого смертельного полета находится гораздо ближе, чем кажется. Протокол самоуничтожения запущен, и эпицентр цепной реакции носит ее собственное имя.

© Безматерний В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Запах мокрого бетона	5
Глава 2. Геометрия идеального покоя	9
Глава 3. Пыль на эполетах	15

Виктор Безматерный

Эпоха полураспада

Глава 1 Запах мокрого бетона

Он просачивался сквозь щели в старых деревянных рамах, минуя тройной стеклопластик современных окон, которые Анна так и не удосужилась поставить. В спальном районе «Зона-4» бетон был живым организмом. Днем он впитывал ядовитую влагу неба, а ночью медленно выдыхал ее обратно, смешивая с запахом гниющих тополей, забитых в технические желоба, и едва уловимым ароматом горелой изоляции из подвальных щитовых. Этот запах въедался в одежду, становился частью кожного сала, оседал на корне языка. Анна ненавидела его больше всего на свете, потому что это был единственный запах, который она не могла смыть даже самым едким хозяйственным мылом.

Она открыла глаза ровно в 04:12.

Цифры фосфоресцировали ядовито-зеленым светом на потолке. Электронные часы — единственная уступка технологиям в этой берлоге — всегда показывали точное время смерти. Она знала это интуитивно, костным мозгом. Секундная стрелка дернулась, отмеряя сорок первую секунду двенадцатой минуты четвертого часа утра. Время, когда ночная смена патрульных начинает чувствовать свинцовую усталость век. Время, когда самоубийцы чаще всего переступают через подоконники. Время абсолютного нуля.

Анна лежала неподвижно, раскинув руки крестом поверх тонкого синтетического одеяла. Простыни под ней были ледяными. Конвектор отопления работал на пределе, сжигая кислород и пересушивая слизистую до крови, но холод шел изнутри. Он поднимался от поясницы к лопаткам плотной волной, заставляя мелкие волоски на предплечьях вставать дыбом. Это была не температура тела. Это было преддверие.

Первым пришел звон. Тиннитус.

Он начался не в ушах, а где-то в центре лба, за надбровными дугами. Тонкий, вибрирующий писк комариного крыла, попавшего в вакуум. Звук нарастал по экспоненте, заполняя собой черепную коробку, выдавливая глазные яблоки из орбит. Через тридцать секунд высокочастотный свист сменился тяжелым, низким гулом турбины самолета, идущего на посадку в густом тумане. Гул давил на барабанные перепонки так, что начинало казаться, будто кровь сейчас хлынет носом прямо на несвежую наволочку.

Анна стиснула зубы. Ее челюстные мышцы затрещали от напряжения. Левый нижний резец, в котором давно погиб нерв, отозвался тупой фантомной болью. Она попыталась сглотнуть, но слюна во рту превратилась в мелкую стеклянную крошку.

Это не было болезнью. Болезнь лечат. Это состояние Анны называлось «Синдром полураспада», хотя в медицинских картах оно значилось как острая форма диссоциативной фуги, осложненная тяжелой депрессией и слуховыми галлюцинациями. Но Анна Шмель, инспектор

уголовного розыска со стажем пятнадцать лет, циник высшей пробы, презирала эвфемизмы. Для нее это была просто плата за вход. Вход в сознание убийцы.

Она села на кровати одним рывком, бросив тело вперед, используя инерцию пробуждения. Ноги коснулись линолеума. Холод ударил по босым ступням тысячей иголок. Пол в ее квартире никогда не прогревался полностью — дом стоял на болотистой почве окраины, и вечная сырость фундамента тянулась вверх по капиллярным трубам арматуры.

Комната выглядела чужеродной. Приборная панель упавшего корабля.

Стены, выкрашенные в цвет застывшей рвоты — тусклый бежевый, выбранный застройщиком для маскировки плесени. На одной стене — дешевый репродукция гравюры Дюрера «Меланхолия». Крылатый ангел сидел, подперев голову рукой, окруженный инструментами точных наук. Анна смотрела на него каждое утро. Ей казалось, что у ангела точно такие же синяки под глазами, как у нее.

Взгляд инспектора скользнул дальше. Пластиковый стул из ИКЕА. На нем — аккуратно сложенная форма: темно-синий джемпер, рубашка. Галстук завязан идеальным узлом еще с вечера и перекинут через спинку стула. Рядом — портупея с пустой кобурой. Оружие заперто в сейфе в коридоре. Ключ от сейфа висел на гвозде в ванной, за зеркалом. Рутинная безопасность, доведенная до автоматизма паранойи. Если бы второе «я» Анны захотело убить кого-то дома, ему пришлось бы сначала пройти квест по поиску ключа.

На столе стояла кружка. Толстостенная, армейская, цвета хаки. Внутри — остатки остывшего чая. Чай был заварен вчера утром. Анна понюхала его. Запах прелой листвы и дешевого цейлонского мусора. Она не помнила, как пила его. Возможно, она вообще не притрагивалась к нему последние сутки. Границы между днями стирались, превращаясь в единую серую ленту асфальтированной дороги.

Тиннитус внезапно сменил тональность. Низкий гул трансформировался в отчетливый голос. Он не звучал извне, он транслировался напрямую в слуховой нерв:

«Борт стабилен. За бортом минус пятьдесят. Обледенение кромки левого крыла».

Анна зажмурилась. Голос Диспетчера. Мужской, абсолютно лишенный эмоций баритон фразеологии гражданской авиации. Он появлялся только в эти минуты — между сном и явью, в те самые 04:12. Он комментировал ее физиологию языком полета.

Анна подняла руку и посмотрела на свои пальцы. Короткие ногти, обгрызенные чуть выше корня. Кожа вокруг лунок воспалена, покрыта мелкими кровоточащими трещинками — последствия постоянного мытья рук антисептиком. Между указательным и большим пальцем правой руки темнело старое пятно химического ожога. Три года назад, при осмотре места первого убийства этого цикла, она пролила на себя проявитель для отпечатков. Пятно чесалось перед каждым новым дождем. Сейчас оно пульсировало в такт гулу в голове.

Она встала. Движение вызвало приступ мгновенного головокружения. Вестибулярный аппарат сбоил. Потолок накренился градусов на десять вправо, словно палуба авианосца в шторм. Анна выставила левую руку, опершись о стену. Старые обои под ладонью пошли волнами клея. Она чувствовала каждую неровность штукатурки под бумагой. Сенсорная перегрузка. Мир стал слишком громким, слишком текстурным, слишком реальным.

В такие моменты ей казалось, что ее собственное тело — это лишь тяжелый, неудобный скафандр, надетый на голый электрический провод. Проводу тесно. Провод искрит.

Анна прошла в ванную. Два шага по ледяному кафелю. Включать верхний свет она не стала. Зажигать лампу означало признать начало нового дня, а день требовал функционирования. Функционирование требовало ресурсов, которых у нее не было. Хватало тусклой подсветки зеркала над раковиной и мертвенно-голубого света уличного фонаря, бьющего в узкое окно санузла.

Она включила воду. Струя ударила в фаянс глухо, как снаряд. Анна подставила ладони. Вода обожгла холодом. Она плеснула себе в лицо, задержав дыхание. Капли стекали по щекам, попадая в уголки рта. Соленая. Она лизнула губу. Кровь. Из носа все-таки пошла, тонкой струйкой прокладывая путь к подбородку. Носовые кровотечения сопровождали каждый такой ночной подъем. Давление внутри черепа превышало атмосферное снаружи.

Анна посмотрела на свое отражение.

Женщина тридцати восьми лет. Хотя сегодня, если верить паспорту, оставленному на холодильнике в гостинной, ей исполнилось ровно пятьдесят. Круглая дата. Эпоха полураспада достигла своего пика. Радиоактивность ее сознания зашкаливала.

Из зеркала на нее смотрели глаза трупa. Белки испещрены красной сеткой лопнувших сосудов. Зрачки расширены так, что почти поглотили радужку, сделав ее черной, бездонной ямой. Кожа бледная, с легким синеватым оттенком — признак хронического недостатка кислорода. Губы сухие, потрескавшиеся. Волосы, обычно собранные в тугую, безупречный пучок на затылке, сейчас представляли собой воронье гнездо. Темные пряди слиплись от пота на висках.

Она провела пальцами по лицу, ощупывая скулы, линию челюсти, переносицу. Механическая проверка целостности корпуса. Все на месте. Лицо не осыпалось трухой. Пока.

— Ты здесь? — спросила она шепотом у отражения.

Голос прозвучал хрипло, сорванно. Как будто она кричала несколько часов подряд накануне. Но она молчала весь вчерашний вечер. Читала протоколы допросов свидетелей по делу о краже шин. Монотонный, успокаивающий бред человеческой глупости.

Отражение не ответило. Оно лишь моргнуло на долю секунды позже, чем сделала это сама Анна. Микросекунда рассинхрона. Пропать между двумя сущностями, запертыми в одном объеме плоти.

«Высота три тысячи. Начинаем снижение», — прошелестел Диспетчер в мозгу.

Анна резко выдохнула через нос, пытаясь вытолкнуть чужой голос вместе с воздухом. Вытерла рукавом кровь. Нужно было двигаться. Неподвижность убивала быстрее пуль. Стоять на месте означало дать тому, второму, захватить рычаги управления. А захват рычагов неизбежно приводил к разгерметизации салона.

Она вернулась в комнату. Подошла к окну. Отодвинула тяжелую штору из ткани, похожей на мешковину.

За стеклом простирался мегаполис. Панорама бесконечного страдания архитектуры. Однотипные башни-близнецы, пронзающие низкую облачность. Ни одного огонька в окнах — люди в этом городе научились спать мертвым сном, чтобы не слышать скрежет собственных жизней. Улица внизу была пуста, если не считать одинокой дворницкой машины, методично растаскивающей грязь с проезжей части. Желтый свет ее фар вяз в сером киселе рассвета.

Где-то там, в пяти километрах отсюда, в таком же бетонном улье, прямо сейчас спит человек. Ему пятьдесят два или шестьдесят один год. Он дышит глубоко и спокойно. Может быть, он принял валидол перед сном. Может быть, выпил стакан теплого молока. Он чувствует себя в полной безопасности. Его дверь закрыта на два замка и цепочку. Его район считается благополучным.

Но он уже мертв. Анна знала это так же твердо, как знала то, что вода мокрая, а небо сверху. Человек старше пятидесяти лет уже лежит в своей спальне, и невидимая игла вот-вот преодолеет сопротивление кожи на затылке. Идеальная траектория. Девяносто градусов к основанию черепа. Прямо в ствол мозга. Без звука. Без крика. Только тихий, влажный хруст костной ткани, который услышит только тот, кто нажимает на спуск.

И самое страшное заключалось в том, что правая рука Анны начала зудеть. Глубоко, под кожей, в мышечных волокнах предплечья. Мышечная память. Нейронные связи, проложенные годами тренировок в тире, реагировали на визуальный образ цели. Целью сейчас был весь этот город. Любой, чей биологический цикл перевалил за половину столетия.

Зуд стал невыносимым. Анна прижала правую ладонь к холодной стене, впиваясь ногтями в штукатурку, пока боль физическая не перебила фантомную потребность нажать на курок.

Тиннитус достиг крещендо.
Гул заполнил вселенную.
Диспетчер отсчитывал метры до земли:
«Сто... пятьдесят... двадцать...»

Анна отпустила стену. Сделала шаг назад от окна.
Падение отменялось. На этот раз.
Она подошла к стулу. Взяла рубашку. Ткань пахла кондиционером для белья и одиночеством.

Ноль четыре часа тринадцать минут. До планерки в управлении оставалось четыре часа и семнадцать минут. Нужно было принять душ, залить в желудок растворимый кофе и надеть маску человека, которому не плевать на окружающих. Маску инспектора Шмель.

Она начала расстегивать пуговицы на пижамной куртке. Пальцы двигались четко, быстро, профессионально. Пальцы хирурга перед операцией. Или палача перед работой. В их мире разница была исключительно терминологической.

Глава 2. Геометрия идеального покоя

Смерть пахла озоном.

Этот запах стоял в спальне густым, физически ощутимым слоем на высоте полутора метров от пола — именно там, где заканчивался теплый воздух от еще не остывших радиаторов и начиналось ледяное дыхание открытого настежь окна. Анна Шмель стояла на пороге, намеренно не переступая ленту оцепления, хотя Илья Громов уже дважды кивнул ей, приглашая войти. Для Ильи она была старшим оперуполномоченным, экспертом по безнадежным делам. Для самой себя она сейчас была просто сосудом, который нужно было наполнить чужой агонией, чтобы заглушить собственную.

Спальный район «Северный-7» никогда не спал полностью, но сегодня он затаил дыхание. Тишину нарушало только монотонное гудение лифтовой шахты за стеной да далекий, утробный вой сирены скорой помощи, которая пробивалась через пробки с другого конца города. Здесь, в типовой двушке на двенадцатом этаже, время остановилось.

— Заходишь? — хрипло спросил Леван Гафуров. Он сидел на корточках у прикроватной тумбочки, держа в длинных пальцах пинцет так, словно это был смычок виолончели. Его лицо, подсвеченное тусклым светом полицейского фонаря, казалось посмертной маской античного философа.

Анна молча шагнула внутрь. Подошвы ее ботинок из плотной кожи едва слышно скрипнули по ламинату. Она сняла верхнюю одежду еще в подъезде, оставшись в одной тонкой водолазке. Шерстяное пальто собирало на себя статику и микрочастицы, которые могли стоять им лет жизни при анализе ДНК. Сейчас главным инструментом инспектора были глаза и легкие.

Жертва лежала на широкой двуспальной кровати. Мужчина. Пятьдесят два года. Анна знала это со слов судмедэксперта, но тело само транслировало этот возраст. Это была та самая фаза мужского увядания, которую циники называют «второй молодостью», а патологоанатомы — началом системного распада. Крепкая шея, покрытая густой сеткой вен. Широкие плечи, все еще сохраняющие мышечный рельеф под фланелевой пижамой в синюю клетку. Лицо спокойное, расслабленное. Морщины вокруг глаз говорили о том, что человек часто улыбался. На безымянном пальце правой руки поблескивало обручальное кольцо. Простое, гладкое золото.

Он выглядел как муж, которого жена укладывает спать каждый вечер ровно в двадцать три ноль-ноль, поправляя ему подушку и целуя в лоб. Идиллическая картина семейной жизни, если бы не одна деталь.

Голова мужчины была неестественно вывернута чуть вправо и глубоко утоплена в ворсистую ткань подушки. Между левым ухом и подушкой зияла черная, бархатная дыра входа. Крови почти не было. Игольник высокого давления работает чисто. Тонкая стальная игла входит в кость затылочной части со скоростью звука, преодолевает мозжечковый намет, превращает ствол мозга в кашу и оставляет после себя лишь крошечную припухлость, похожую на укус насекомого. Вся кровопотеря остается внутри черепной коробки, создавая чудовищное давление, которое выдавливает жизнь быстрее, чем нервные окончания успевают передать сиг-

нал боли. Смерть наступает за четыреста миллисекунд. Самая гуманная казнь во вселенной, если смотреть на нее глазами инженера.

Но Анна смотрела на него глазами убийцы. И то, что она видела, вызывало у нее профессиональный восторг, смешанный с первобытным ужасом.

Руки мужчины. Они покоились поверх одеяла. Левая ладонью вниз, правая — чуть согнутая в локте, пальцы расслаблены. Ни следа борьбы. Ногти коротко стрижены, под ними нет грязи. Значит, жертва не царапалась, не пыталась закрыться. Она приняла удар. Или... заснула до того, как игла коснулась кожи.

Анна сделала плавный шаг вперед, обходя кровать по широкой дуге, чтобы не потревожить возможные улики на полу. Ее взгляд скользнул ниже.

Одеяло. Плотное, тяжелое верблюжье одеяло песочного цвета. Оно было натянуто идеально ровно. Стеганный узор образовывал безупречную геометрическую сетку. Одеяло было подоткнуто под матрас с трех сторон — вдоль тела и в ногах. Четвертый край, верхний, был аккуратно отвернут треугольником ровно настолько, чтобы обнажить шею и подбородок убитого.

Это противоречило всем законам криминалистики. Маньяки обычно оставляют следы хаоса. Разбросанные вещи, перевернутые стулья, открытые ящики комода. Этот же действовал как швейцарский часовщик.

«Посадка завершена успешно», — прошелестел знакомый голос Диспетчера в левом полушарии Анны.

Она проигнорировала его, сосредоточившись на складках ткани. Углы одеяла сходились в точке изголовья с математической точностью. Там, где должна была быть голова, ткань лежала абсолютно плоско, скрывая ту самую страшную дыру. Если бы не неестественный наклон шеи и отсутствие дыхания (которое невозможно было увидеть, но можно было *почувствовать* — комнаты с мертвецами пахнут отсутствием углекислого газа), спальня выглядела бы как номер пятизвездочного отеля, готовый к заселению нового гостя.

— Время смерти? — глухо спросила Анна, не поворачивая головы. Ее голос звучал чужеродно в этой звенящей чистоте.

— Около четырех утра, плюс-минус полчаса, — отозвался Леван, не поднимаясь с корточек. Он осторожно извлекал из уха жертвы микроскопический кусочек полимера. — Температура ядра тридцать четыре градуса. Окна открыты полтора часа. Сквозняк сделал свое дело. Охлаждение ускоренное. Я ставлю на 03:58. Почти твоего времени разлива, Анечка.

Анна вздрогнула. Ей показалось, что температура в комнате упала еще на десять градусов. Откуда он знает про 04:12? Но Леван смотрел исключительно на свои инструменты. Он всегда говорил сам с собой, комментируя анатомию трупов вслух, словно читал лекцию студентам-медикам.

Илья топтался у дверного косяка, переминаясь с ноги на ногу. Ему здесь было неудобно. Запах озона щекотал его нежные ноздри интеллигента, воспитанного на классической литературе.

— Чисто сработано, — сказал Илья, пытаясь заполнить тишину своим бодрым тенором. — Никаких следов взлома. Замок магнитный, английский профиль. Судя по пыли на притворе, дверь открывали родным ключом. Соседи снизу ничего не слышали. Звукоизоляция тут отличная.

— Конечно, отличная, — процедила Анна. — Потому что стены пустотные. Сюда танк въедет — никто не проснется.

Она подошла к открытому окну. Холодный осенний ветер ударил в лицо, растрепав волосы. Анна вдохнула полной грудью уличную сырость, смывая озоновую сладость спальни. Внизу, во дворе-колодце, горел единственный желтый фонарь. Под ним кружился мелкий мусор.

Зачем открывать окно посреди ночи, когда на улице минус пять, а в квартире работают батареи? Логика обычного грабителя или насильника ломалась. Открыть окно мог либо тот, кто хотел замести тепловой след для служебных собак, либо...

Либо тот, кому нужен был звук.

Анна закрыла глаза, восстанавливая акустическую картину. Если стоять у этого окна и направить ствол вверх под углом сорок пять градусов, щелчок пьезоэлектрического разряда игольника будет неотличим от треска лопнувшей лампочки в коридоре. А свист рассекаемого воздуха поглотит шум проезжающей внизу машины. Идеальная акустическая маскировка.

Она открыла глаза и перевела взгляд на подоконник. Белоснежный пластик. Ни единой пылинки. Маньяк протер его. После того как открыл створку, впуская холод, он достал салфетку и тщательно стер отпечатки пальцев. Чистоплюйство, граничащее с обсессивно-компульсивным расстройством. Но Анна чувствовала — это не болезнь. Это эстетика. Убийца создавал инсталляцию.

— Что-нибудь есть? — бросила она через плечо Левану.

— Много чего, — прокряхтел эксперт, наконец разогнувшись. Суставы его пальцев хрустнули. — Во-первых, наш друг использует смесь газов. Пропан-бутан с добавлением аргона. Аргон тяжелее воздуха, он оседает в легких вместе с микроиглой. Жертва чувствует легкое головокружение, тепло в груди... думает, что засыпает. Никакого страха. Последняя мысль перед отключкой коры — «как хорошо я буду спать». Очень вежливый мальчик.

— Мальчик?

— Метаболизм. Высокий уровень тестостерона в остаточных парах выдоха на подушке. Молодая железа. Лет тридцать, может, тридцать пять. Но бьет он с плеча старого человека. Амортизация удара рассчитана ювелирно. Кость цела, только входное отверстие. Никакого гидроудара, разможившего лицевую часть. Только точечное разрушение варолиева моста.

Леван подошел к Анне, протягивая ей прозрачный пакетик. Внутри, на белой фильтровальной бумаге, лежала золотистая чешуйка. Размером меньше миллиметра.

— Нашел под ногтем большого пальца левой руки. Лезвием зацепил, когда падал. Не кожа. Металл. Сплав алюминия с медью. Покрытие анодированное. Цвет специфический. Такой используют в авиастроении. Обшивка салонов старых бортов. Или внутренняя фурнитура тренажеров-симуляторов.

Анна взяла пакетик двумя пальцами. Поднесла к свету лампы. Чешуйка блеснула мертвым металлическим блеском. Авиация. Отец работал с композитными материалами для секретных аэростатов. Мать говорила, что у него руки вечно были в алюминиевой пудре.

«Зафиксирована потеря высоты левого двигателя», — констатировал Диспетчер.

Анна сунула пакетик в карман своего жилета, даже не взглянув на маркировку вещдока. Правила нужны для тех, кто боится потеряться в деталях. Она жила в деталях. Они были ее единственным спасательным кругом.

Она вернулась к кровати. Осторожно, одними глазами, начала сканировать пространство вокруг тела. Комод. Три ящика. Ручки деревянные, отполированные до блеска. Верхний ящик слегка выдвинут. Ровно на один сантиметр.

Анна замерла.

Если бы ящик был задвинут плотно, линия дерева совпадала бы с линией фасада. Если бы его обыскивали в спешке, он торчал бы криво, наискось. Один сантиметр. Математическая константа забывчивости.

Она медленно, чтобы не нарушить покой мертвеца, наклонилась над ящиком. Оттуда пахло старой бумагой, кожей и легким ароматом дорогого трубочного табака. Внутри, среди стопок документов, лежал кожаный планшет. Профессиональный полетный планер. Такие выдают пилотам малой авиации.

Анна выпрямилась. Сердце пропустило удар, а затем забило вдвое быстрее, гоня по венам чистый адреналин.

Пилот.

Все предыдущие жертвы тоже имели отношение к небу. Первый — диспетчер наземных служб аэропорта. Второй — инженер-конструктор бюро вертолетостроения. Третий — коллекционер метеорологических зондов.

А этот?

Ее взгляд упал на стену напротив кровати. То, что она приняла в темноте прихожей за абстрактную мазню, оказалось фотографией в рамке. Черно-белый снимок. Группа людей в летных куртках стоит на фоне огромного серебристого эллипсоида — дирижабля жесткой конструкции. Люди смеются, запрокинув головы. Солнце бьет в объектив.

Мужчина на фотографии — точная копия трупа, только моложе лет на тридцать. Он стоит третьим слева, рука закинута на плечо соседа. На петлицах — крылышки испытателя.

— Аэростатчики, — выдохнула Анна. — Боже правый, они все оттуда.

Илья непонимающе моргнул:

— Откуда, Анна Марковна? Из загробного мира?

— Из проекта «Купол», идиот, — резко обернулась она. Ее лицо исказила гримаса раздражения, направленная вовсе не на напарника. — Закрытая программа восьмидесятых. Высотное наблюдение. Мой отец там сгинул. Все эти люди знали моего отца. Или работали с ним. Или...

Она осеклась. Осознание обрушилось на нее холодной плитой бетона. Дело принимало личный характер, а личные дела в управлении закрывались быстро и навсегда — путем списания в архив по причине сумасшествия ведущего следователя. Если Илья поймет связь, он отстранит ее завтра же утром. Нужно сменить вектор.

— Где жена? — сухо спросила она, возвращая себе маску профессионального равнодушия.

— В ванной рыдает, — Илья мотнул головой в сторону коридора. — Соседи вызвали, услышали, как падает стул. Когда наряд приехал, она сидела на кухне и смотрела в одну точку. Говорит, легла спать в гостиной, потому что муж храпел. Проснулась от сквозняка.

— Она не слышала выстрела, — констатировала Анна. — Потому что выстрела не было. Был щелчок. Как открытие бутылки шампанского. Она привыкла. Муж открывал пиво перед сном десятилетиями. Рефлекс слуха заблокирован.

Анна снова посмотрела на мужчину в кровати. Теперь она видела не просто жертву. Она видела призрак собственного детства. Запах отцовской куртки, пропитанной машинным маслом и высотным морозом.

Внезапно ее внимание привлекла странность. Мелкая, почти незаметная асимметрия.

Угол одеяла. Тот самый идеальный треугольник у лица. Правый угол был подогнут чуть глубже под матрас, чем левый. Разница составляла не более двух миллиметров. Незаметно для любого, кроме человека с патологическим вниманием к деталям. Человек, страдающий тяжелой формой обсессивно-компульсивного расстройства, оставил бы их симметричными. Человек в состоянии аффекта вообще не стал бы заправлять постель.

Анна протянула руку в латексной перчатке. Она ненавидела касаться места преступления голыми руками — ощущение чужой смерти на коже вызывало рвотные позывы. Но сейчас ей нужно было тактильное подтверждение.

Она поддела пальцем краешек одеяла в той самой точке, где расходились углы. Ткань поддалась легко. Она заглянула в образовавшийся проем между матрасом и наматрасником.

Там, в темноте пыльной щели, что-то белело.

Не пыль. Бумага.

Анна оглянулась на Илью. Он увлеченно изучал содержимое бумажника убитого, доставая кредитные карты. Леван возился со своей ультрафиолетовой лампой, высвечивая невидимые брызги биологических жидкостей на плинтусе.

Никто не смотрел.

Одним быстрым, змеиным движением Анна выхватила сложенный вчетверо листок из-под матраса. Сунула его в рукав своего джемпера, предварительно натянув манжету на кисть. Затем резким движением ладони расправила одеяло, возвращая ему первозданную геометрию.

Сердце колотилось где-то в горле. Она отошла к двери, делая вид, что изучает замок.

— Вызывайте понятых, — бросила она Илье. — Начинайте протокол осмотра. Я пока опрошу супругу. Узнайте, пил ли он снотворное. И проверьте историю его перелетов за последний месяц. Мне нужна каждая посадочная ведомость.

Она вышла из спальни, плотно прикрыв за собой дверь, отрезая себя от запаха озона и идеальной постели.

Только в темном коридоре, прислонившись спиной к холодной стене, она позволила руке дрогнуть. Медленно, боясь шелеста бумаги, она развернула находку.

Это был не чек и не записка самоубийцы. Это был плотный картон кремового цвета с золотым тиснением. Посадочный талон бизнес-класса авиакомпании «Аэрофлот-Норд».

Рейс SU-9842.

Маршрут: Москва — Город-призрак Припять (закрытая зона).

Дата вылета: Сегодня. 06:00 утра.

Время смерти — 03:58.

Жертва умерла за два часа до того, как должна была улететь туда, откуда не возвращаются коммерческие рейсы. Туда, где небо встречается с радиационным туманом. Туда, где пропал ее отец.

«Отказ системы навигации», — сочувственно прошептал Диспетчер прямо в висок. — *«Мы сбились с курса, борт один-пять. Возвращаемся на базу».*

Анна сжала посадочный талон в кулаке так, что глянцевый картон врезался в кожу. Экзистенциальный холод спальни проник под ребра. Кто-то методично уничтожал прошлое ее семьи, упаковывая каждое убийство в саван абсолютного порядка. И самое страшное заключалось в том, что логика этого безумия была ей понятна. Пугающе, тошнотворно понятна.

Глава 3. Пыль на эполетах

Кондиционер в кабинете начальника убойного отдела гнал воздух с таким надрывом, словно пытался выкачать из помещения остатки кислорода вместе со здравым смыслом. Анна сидела во втором ряду, закинув ногу на ногу, и методично разламывала пластиковую трубочку от кофе. Хруст полимера был единственным живым звуком в этом аквариуме корпоративной мертвечины.

На экране проектора за спиной полковника Малинина переливались слайды презентации. «Серия "С"». Так они окрестили дело для внутренней отчетности. С — значит «Сон». Или «Скальпель». Или «Слепота» — именно ею страдало все управление.

— Таким образом, по состоянию на ноль восемь ноль-ноль текущего дня, — голос Малинина звучал как несмазанный поршень, — у нас четыре эпизода. Общий знаменатель отсутствует. Связи между жертвами не прослеживается ни по линии бизнеса, ни по линии личных отношений. География расплывчата. Профиль убийцы не бьется. В базе данных МВД совпадений по почерку нет. Интерконтинентальная база Интерпол выдает чистый лист. Мы работаем вслепую.

Анна закатила глаза так медленно, что это движение могло показаться просто игрой света на ее роговице. Работают вслепую. Какая интеллектуальная честность. Они работали бы вслепую, даже если бы маньяк оставил на каждой подушке свою визитную карточку, написанную кровью девственницы. Управление давно превратилось в бюро ритуальных услуг для статистики. Главное — закрыть висяк до конца квартала, перевести его в разряд глухарей и забыть о существовании человеческой боли.

Она обвела взглядом коллег. Майор Сомов теребил свои седые усы, явно думая о том, успеет ли он сегодня на дачу выкопать картошку. Капитан Тер-Григорян гипнотизировал свой смартфон под столом, лайкая фотографии чьих-то завтраков. Это были не ищейки. Это были смотрители кладбища, которые возмущались тем, что покойники продолжают прибывать и портить им идеальный порядок могильных рядов.

— У кого есть мысли? — Малинин обвел тяжелым взглядом подчиненных.

Тишина стала густой, как мазут.

Анна подняла руку. Не ту вежливую академическую ладонь, которую поднимают отличницы. Она выбросила вверх правую руку резким, рваным жестом человека, которому надоело терпеть физическую пытку чужим идиотизмом.

— Да, Шмель, — неохотно кивнул полковник.

— Мыслей нет, — громко сказала Анна, перекрывая гул вентиляции. — Есть факты. Факт первый: игольник высокого давления. Иглы вытаскиваются из тела гидравлическим экс-трактором или вообще растворяются био-полимером через двенадцать часов. Поэтому Леван находит только микроцарапины на кости. Факт второй: газовая смесь. Аргон вызывает эйфорию и мгновенную потерю сознания. Жертвы умирают счастливыми. Им снится полет. Факт третий: одеяло. Одеяло натянуто с силой двадцать ньютонов. Углы заправлены под матрас хирургическим узлом. Это не попытка скрыть улики. Это эстетический акт. Мы имеем дело

не с мясником. Мы имеем дело с инженером-конструктором, страдающим тяжелой формой обсессивно-компульсивного расстройства на фоне баротравмы.

Она говорила ровным, монотонным голосом, глядя прямо в переносицу Малинину. Ее презрение было осязаемым. Оно висело в воздухе невидимыми каплями кислоты.

— Инженер-кто? — переспросил Сомов, перестав крутить ус. — Ань, ты опять свои скандинавские нуары на ночь читала?

— Я читала протоколы вскрытия, старый ты пень! — отрезала она. — Идите в морг к Гафурову. Пусть он даст вам понюхать легкие третьего жмура. Там озона больше, чем над Антарктидой после грозы. Ваш маньяк работает в скафандре. Или в камере декомпрессии. Он помешан на высоте. На чистоте падения. Вы ищете алкаша с обрезом, а вам нужен человек, который знает разницу между аргоном и азотом!

Малинин побагровел. Его шея пошла пятнами, напоминая некачественный мрамор.

— Старший инспектор Шмель, — процедил он, ударив пухлой ладонью по столу. Звук получился влажным, чавкающим. — Если я еще раз услышу этот тон и эти домыслы без доказательной базы, я отправлю вас дышать озоном в психиатрическое освидетельствование! Мне нужны мотивы! Где мотив, Шмель? Зачем старшему инженеру секретного КБ стрелять в пенсионера-донора спермы?! Между ними пропасть в сорок лет и три административных округа! Нет связи! Без связи нет дела!

— Связь всегда есть, — прошипела Анна себе под нос, снова начиная ломать трубочку. Острый край пластика впился в подушечку большого пальца. Выступила капелька крови. — Просто ваши мозги заржавели на уровне райотдела восьмидесятого года. Вы думаете связями банковских счетов. А нужно думать связями распада атомов.

Она встала. Движение было резким. Стул позади нее отъехал назад с мерзким скрежетом ножек по линолеуму.

— Куда? — рявкнул Малинин.

— На место преступления. К жене инженера. Ваша статистика пахнет формалином, товарищ полковник. От нее тошнит.

Она развернулась и направилась к выходу, чеканя шаг. Высокие каблуки ее ботинок вбивали каждый слог в дешевое покрытие пола. Презрение Анны к коллегам не было профессиональной спесью. Это была защитная реакция хищника, запертого в вольере с домашними кроликами. Она видела структуру хаоса, математику безумия, красоту идеальной траектории пули, входящей точно в ствол мозга. Для нее каждое убийство было симфонией. Для них — ошибкой в бухгалтерской книге.

В коридоре ее перехватил Илья Громов. Он буквально выскочил из кабинета брифинга следом, едва не сбив с ног секретаршу начальника с пачкой рапортов.

— Анна Марковна, подожди! — Илья схватил ее за локоть. Пальцы у него были горячими и потными. Анна дернула рукой, стряхивая его прикосновение, как стряхивают паука.

Илья замер. Его лицо, обычно излучающее оптимизм выпускника юрфака, сейчас было бледным и серьезным. Форма сидела на нем безупречно, галстук затянут идеально. Он выгля-

дел как рекламный проспект управления, воплощенный в плоть. Идеальный фасад, за которым скрывалась абсолютная пустота.

— Ты перегибаешь, — тихо сказал он, оглядываясь на стеклянные двери приемной. — Калинин тебя сожрет и не подавится. «Баротравма», «барокамера»... Аня, мы оперуполномоченные, а не физики-ядерщики. Нам нужен свидетель. Нужен ствол. Нужны пальчики. А у нас ничего. Зеро. Голый вакуум.

Анна остановилась посреди людного коридора. Мимо сновали стажеры, протискивались следователи прокуратуры с папками уголовных дел. Жизнь управления текла своим чередом — бессмысленная суeta насекомых в гниющем яблоке. Она посмотрела на Илью сверху вниз. Несмотря на то, что они были почти одного роста, ей казалось, что она смотрит на него с борта заходящего на посадку бомбардировщика.

— Твой «вакуум», Илья Сергеевич, называется отсутствием шаблонного мышления, — произнесла она ледяным тоном. — Ты хочешь ствол? Отлично. Поезжай на улицу Строителей, там вчера ночью пьяный слесарь палил из травмата в жену. Вот тебе твой ствол. Гильзы, пороховые газы, свидетели-соседи. Банально. Понятное зло. Ты раскроешь его за два часа, получишь премию квартальную и пойдешь пить свое крафтовое пиво. Растиражируешь отчет в СМИ. Герой.

Она сделала шаг вперед, вторгаясь в его личное пространство. Запах ее духов — горький полынь и холодный металл — ударил ему в нос.

— А здесь, — она тнула пальцем в сторону дверей конференц-зала, откуда они вышли, — происходит нечто иное. Здесь некто переписывает законы баллистики и физиологии. Он убивает людей газом, который используют для сварки титановых сплавов, и укрывает их, как кукол в кукольном доме. И если твоя линейка слишком коротка, чтобы измерить глубину этой ямы, это не значит, что ямы не существует. Это значит, что ты просто карлик.

Илья вспыхнул. Румянец проступил на его скулах яркими лихорадочными пятнами. Он отступил на полшага, но гордость заставила его выпрямить спину.

— Карлик, значит? — его голос зазвенел от обиды. — Хорошо. Давай поговорим о фактах, великий аналитик. Факт: окно открыто. Факт: ноябрь месяц. Факт: жена спит в соседней комнате. Зачем открывать окно при работающем отоплении? Чтобы простудиться? Или...

— Чтобы создать тягу, — перебила Анна. — Газ тяжелее воздуха. Аргон стелется по полу. Окно создает микровсасывание. Газ уходит в атмосферу, не оставляя следа в легких супруги. Чистый выхлоп. Идеальное преступление требует идеального знания аэродинамики замкнутых пространств. Но куда тебе понять физику конвекции, ты же юрист. Для тебя закон — это параграф УК, а не закон Бойля-Мариотта.

Она обошла его, намереваясь уйти к лестнице. Ей физически необходимо было выйти на улицу, вдохнуть сырой осенний смрад города. Воздух управления вызывал аллергию.

— Подожди! — Илья догнал ее в три шага и снова встал на пути. Теперь в его глазах не было обиды. Только страх. Страх перед ней. — Ладно. Допустим, ты права. Допустим, наш парень — гребаный космонавт-терминатор. Что мне писать в плане следственных мероприятий? «Опросить сотрудников ЦУПа?» «Запросить списки экипажа МКС?»

— Напиши правду, — устало бросила Анна. — Напиши, что следствие зашло в тупик из-за отсутствия органического материала на месте происшествия. Напиши, что требуется

привлечение экспертов-взрывотехников для анализа микрочастиц металла, потому что наши криминалисты дальше своего носа не видят. Напиши запрос в Росавиацию. Проверь списки выпускников аэроклубов за последние тридцать лет. Свяжись с архивами закрытых конструкторских бюро. Сделай хоть что-нибудь, что выходит за рамки допроса дворника-таджика!

— Я написал, — вдруг тихо сказал Илья. — Сразу после второго трупа. Пришел ответ из канцелярии. Отказ. Формулировка: «Нецелевое расходование ресурсов оперативного состава ввиду низкой социальной опасности фигуранта». Знаешь, кто подписал? Твой дружок из главка. Полковник Зимин. Тот самый, который похлопывал тебя по плечу на похоронах твоего первого мужа.

Анна застыла. Кровь отлила от ее лица, делая кожу пергаментной, неживой. Веснушки, которых почти никто никогда не видел, выступили на переносице четкими рыжими точками. Зимин.

Человек, который вел внутреннюю проверку по делу ее отца. Человек, который лично закрывал проект «Купол».

— Повтори, — выдохнула она.

— Ты слышала, — Илья перешел в наступление, пользуясь ее секундной слабостью. — Никто не будет поднимать архивы Минобороны ради четырех мертвых пенсионеров. Никому не нужна теория заговора с участием дирижаблей-призраков. Тебе ясно? Приказ руководства: работать по земле. Искать бытовуху. Ревность. Деньги. Долги. Найди мне любовницу этого инженера. Найди мне его обиженного сына-наркомана. Найди мне человеческий мусор, Аня. Потому что другого мусора нам собрать не дадут.

Он смотрел на нее выжидающе. Это был ультиматум. Либо она надевает маску нормального копа и идет искать шлюху, либо система перемелет ее в пыль и выплюнет удостоверение в корзину для бумаг.

Анна молчала долго. Слишком долго для оживленного коридора. Казалось, она вообще перестала дышать. Ее взгляд был устремлен сквозь стену, сквозь здание управления, сквозь бетонный панцирь мегаполиса куда-то туда, где вечная осень перемешивалась с серым небом. Она искала траекторию. Выход из пике.

— Хорошо, — наконец произнесла она. Слово прозвучало как треск лопающегося стекла. — Будет тебе человеческая грязь.

Она резко повернулась и пошла обратно к кабинету Малинина. Илья растерянно смотрел ей вслед, ожидая продолжения диалога, каких-то дальнейших инструкций. Но Анна шла пустой походкой автомата.

Она вошла в кабинет, не постучав. Малинин поднял голову от бумаг, недовольно шевельнув бровями.

— Нашла язык? — буркнул он. — Кто там у него? Секретарша? Домработница?

Анна подошла к его столу. Наклонилась, опираясь обеими руками о столешницу. Дерево жалобно скрипнуло под тяжестью ее тела. Она приблизила свое лицо к лицу полковника так близко, что тот почувствовал запах ее кофе и чего-то еще — острого, животного запаха загнанного в угол зверя.

— Лучше, — улыбнулась она. Улыбка была похожа на порез от бумаги — тонкая, бескровная, опасная. — Убитый инженер пять лет назад отсудил у своей родной матери квартиру. Старухе семьдесят восемь. Живет в хрущевке на окраине. Сын платил ей мизерные алименты, чтобы поскорее дожидаться наследства. Они судились год. Ненавидят друг друга люто.

Малинин моргнул. Профессиональный хватательный рефлекс сработал мгновенно.

— Мотив, — прохрипел он. — Наконец-то. Мать?

— Именно. Старая, выжившая из ума бабка. Купила пневматический строительный пистолет. Пришла мириться. В ссоре нажала на спуск. Игла пробила затылок. Испугалась. Поправила мужу подушку, накрыла одеялом, перекрестила и ушла. Окно открыла специально, начитавшись детективов, чтобы запутать следствие. Чистосердечное признание гарантируем к вечеру. Психологический профиль совпадает: истерика, чувство вины, возраст старше пятидесяти пяти. Идеально ложится в вашу статистику, товарищ полковник.

Анна выпрямилась. Достала из внутреннего кармана блокнот, вырвала страницу с какими-то расчетами и положила на стол.

— Адрес бабки. Фамилия адвоката. История болезни — подозрение на деменцию. Езжай, Илья, — она даже не взглянула на напарника, продолжая смотреть на Малинина. — Забирай старуху. Ломай ее. Она сломается, у нее остеопороз костей и психики. Дай прессе заголовок: «Сын разбогател и поплатился». Закрывайте дело. Засчитывайте палку. Можете вешать медалики.

Она развернулась на каблуках и вышла из кабинета, оставив двух мужчин переваривать эту чудовищную, наглую, абсолютно бездоказательную ложь.

В коридоре ее снова ждал Илья. Он стоял, прислонившись к стене, и курил электронную сигарету. Пар клубился вокруг его головы, как нимб дешевого святого.

— Ты ведь только что придумала это, — сказал он утвердительно. В его голосе не было восхищения. Была усталость. — Прямо сейчас. Взглядом. По тому, как дрожали пальцы у жены убитого, когда она показывала фото свекрови.

— Люди предсказуемы, Громов, — Анна взяла у него сигарету и сделала глубокую затяжку. Горло обожгло синтетической малиной. — Особенно плохие люди. А мать, ненавидящая сына за жилплощадь — это базовый код человечества. Самый низменный уровень файловой системы. Тебе должно быть комфортно в этой среде. Копайся.

Она вернула ему сигарету. Пальцы их соприкоснулись. Илья вздрогнул.

— А если это не она? — спросил он совсем тихо. — Если мы сейчас уничтожим жизнь сумасшедшей старухи ради красивой цифры в отчете? Если настоящий убийца сейчас пакует сумку для пятого акта твоей чертовой симфонии?

Анна смотрела на него долгим, изучающим взглядом. В ее зрачках отражался мигающий свет дежурного освещения.

— Значит, у меня будет время закончить брифинг, пока ты будешь выбивать признание, — ровно ответила она. — Делай свою работу, Илья. Иди арестовывать фурий домашнего ада. А мою часть физики оставь мне.

Она оттолкнулась от стены и пошла прочь по коридору, чувствуя лопатками его тяжелый, полный бессильного отчаяния взгляд. Конфликт был исчерпан. Победила пустота. Анна солгала начальству, подставила невинную и предала собственные принципы расследования. Все ради того, чтобы сохранить за собой право оставаться внутри этого тихого, стерильного ужаса. Ради того, чтобы следующей ночью снова услышать щелчок игольника в собственной голове и почувствовать, как руки сами выводят штурвал на критический угол атаки.

Она спустилась по лестнице, миновала вертушку КПП, толкнула тяжелые стеклянные двери управления и нырнула в промозглое утро мегаполиса. Холодный ветер принял ее в свои объятия. Анна достала из кармана блистер с таблетками транквилизатора, выдавила одну на сухую ладонь и проглотила, не запивая.

Презрение давалось ей дорогой ценой. Каждое столкновение с чужой глупостью обнажало острые края ее собственного безумия. И чтобы эти края не прорезали кожу, приходилось заливать их цинизмом. Но запас прочности был конечен. Эпоха полураспада вступала в фазу цепной реакции.